

Научная статья
УДК 821.161.09
DOI 10.18101/2686-7095-2021-4-69-76

**О МЕЛАНХОЛИИ В АВТОРСКОЙ ПЕСНЕ
БУЛАТА ОКУДЖАВЫ И ЛО ДАЮ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

© Лю Сюэцзин
магистрант,
Нанькайский университет
КНР, г. Тяньцзинь, Вейджин лу, 94
lxq980609bxmy@163.com

© Болдонова Ирина Сергеевна
доктор философских наук, приглашенный профессор,
Нанькайский университет
КНР, г. Тяньцзинь, Вейджин лу, 94
irina_duncan@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена сравнению лирического настроения в стихах и песнях Б. Окуджавы и Ло Даю (罗大佑). Русский и китайский поэты являются известными бардами и пионерами целого направления в области бардовской песни в своих странах. Для их поэзии характерно грустное, меланхоличное настроение. На основе принципа “внеаходимости” М. М. Бахтина в данной статье акцентируются социальные причины появления авторской песни Б. Окуджавы и Ло Даю на фоне бардовского бума в Китае и России. Осуществляется сравнительно-типологический анализ образов дома и женщины. Отмечаем, что ностальгия вызвана переживаниями по поводу разрушения дома. Это источник и меланхолии, и мотивации к спасению. Далее в статье отмечаются разные способы выражения меланхолии, типологически схожие способы проявления ностальгии, что вносит вклад в понимание межкультурного диалога, а также влияние религиозной философии и буддийской культуры на песни и стихи Б. Окуджавы и Ло Даю.

Ключевые слова: авторская песня, меланхолия, бардовский бум, ностальгия, внеаходимость, образ женщины, образ дома, сравнительно-типологический анализ.

Для цитирования

Лю Сюэцзин, Болдонова И. С. О меланхолии в авторской песне Булата Окуджавы и Ло Даю: сравнительно-типологический анализ // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2021. Вып. 4. С. 69–76.

Булат Окуджава является основоположником авторской песни в СССР. С помощью его стихов-песен в Советском Союзе с конца 50-х гг. XX в. зарождается феноменальный бум “бардовской песни (авторской песни)”, который соединяет три вида искусства — поэзию, мелодию и голос исполнителя — в одном самобытном культурном пространстве. Хронологически позднее, но типологически близко в Китае на Тайване в конце 70-х гг. XX в. появляется свой национальный бард — Ло Даю. Он также играет на гитаре, исполняя свои стихи-песни.

Суровый, унылый голос его влиял на целое поколение, в результате было сформировано бардовское направление в популярной китайской музыке.

Советские и российские исследователи “неизменно отмечают элегическую тональность, лексику” в творчестве Б. Окуджавы [1]. Так, В. В. Смирнов считал, что грусть — это ключик к пониманию песен барда [7]. Что касается Ло Даю, то известный китайский музыкальный критик Ли Вань (李皖) рассматривал его как “меланхоличного певца в смутное время” [11, с. 140]. Близость интонаций позволяет нам провести сравнительный анализ творчества двух бардов.

Теоретические основания данной статьи заключаются в концепции диалога филолога, философа М. М. Бахтина. Он замечал: “Культура как таковая всегда апеллирует к сопоставлению, сравнению; она не только то место, где рождаются смыслы, но и то пространство, где они обмениваются, «проводятся»” [8, с. 7]. Можно понимать, сравнительное исследование разных культур и межкультурный диалог представляют собой важное направление в культуре. По мнению Бахтина, мир построен на основе «я» и противопоставленного «другого»: “Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже” [2, с. 307]. В связи с этим без «чужой» культуры мы не можем понять себя до конца, равно как и без «своей» культуры невозможно раскрыть суть «чужой». Эти диалектические отношения воплощаются в принципе “внезаходимости” Бахтина: “Творческое понимание не отказывается от себя, от своего места во времени, от своей культуры и ничего не забывает. Великое дело для понимания — это внезапность понимающего — во времени, в пространстве, в культуре” [2, с. 306]. Принцип внезапности позволяет лучше понять как китайского барда Ло Даю, так и русского барда Окуджаву.

Рассмотрим ряд моментов.

1. Одинаковый культурный феномен, разные социальные причины

Что касается появления такого феномена, как бард Ло Даю, нельзя не упомянуть о “Движении народной песни в Тайване” 1975 г., когда китайский певец Ян Сянь (杨弦) выпустил альбом «Коллекция современных китайских народных песен» (《中国现代民歌集》). Вслед за этим началось плодотворное соединение “поэзии” и “музыки”: много певцов поют тексты, основанные на стихотворениях таких современных китайских поэтов, как Юй Гуанчжун (余光中), Чжэн Чжоуюй (郑愁予), Ло Цин (罗青), а также на стихах исторической династии Тан, сунских «цы». Для появления “Движения народной песни на Тайване” важны и политические факторы. Из-за установления отношений между США и материковым Китаем в 1972 г. США разорвали дипломатические отношения с тайваньскими властями, которые в этих критических условиях с целью защиты своей политической “китайской ортодоксии” [9, с. 130] выдвинули культурный лозунг “Пой свои песни”. Это и подтолкнуло к созданию “Движения народной песни на Тайване”.

Зарождение бардовской песни в творчестве Булата Окуджавы тоже связано с политическим фактором и, возможно, веяниями времени в Советском Союзе. Так, Б. Окуджава отмечал: “В 1956 г. я родился как поэт”, “Я продукт 1956 года” [6, с. 122]. Он стал певцом «оттепельной эпохи» после XX съезда КПСС.

Итак, в качестве бардов Ло Даю и Окуджава творили, выступали с песнями в разные десятилетия XX в., но и в том и другом случае политические события становятся источником их “грустных раздумий” и способствуют созданию в чем-то близких образов.

2. Ностальгия и спасение через образ дома

В качестве носителя меланхолического настроения автора образ дома обладает смыслами на двух уровнях. Рассмотрим первый. Когда образ дома указывает на ностальгию барда и пробуждает меланхолическое чувство. Слово “дом” использовано Ло Даю в его песнях «Дом I» (《家 I》), «Дом II» (《家 II》), «Дом III» (《家 III》), «Маленький посёлок Луган» (《鹿港小镇》), «Ностальгические рифмы» (《乡愁四韵》) и др. Он даже называет свой третий альбом «Дом» (第三张专辑《家》). В большинстве его шедевров показана грустная забота о родине и об утраченной красоте.

В песне «Дом II» (《家 II》) есть такие строки:

Подари мне тёплое чувство и пылающую любовь/
Пусть мой блуждающий разум обретёт чувство дома вновь/
Много лет назад со множеством переживаний я покинул дом /
И где же мне теперь усмирить этот усталый блуждающий разум?

Образ дома символизирует здесь неисчерпаемую любовь, источник веры и утешения для “усталого блуждающего разума”. Третья строка раскрывает настоящее жизненное переживание Ло Даю, имеет автобиографический характер. В целях осуществления мечты, покинув родной дом и оставив работу, Ло Даю в 1984 г. улетел в Америку, в 1987 г. прибыл в Гонконг и находился там до 2014 г., после чего вернулся на Тайвань. Переживания лирического героя Ло Даю показывают, что для постоянно странствующего человека физический дом практически не существует, он трансформируется в абстрактный домашний очаг, созданный человеческой ностальгией, созданный надолго.

Это перекликается со строками Булата Окуджавы: “Ни почестей и ни богатства / для дальних дорог не прошу, / но маленький дворик арбатский / с собой уношу, уношу” («Арбатский дворик»). “Арбатский дворик”, или улица Арбат, для Окуджавы — конкретный знак дома души, “духовного дома” в страшные годы, когда он ушел добровольцем на фронт Великой Отечественной войны. Тоска по дому появляется только после того как он покидает дом, тогда камни его становятся теплыми и поэт греет о них свои “озябшие руки”. В «Песенке об Арбате» (1959) Арбат называется его “религией”, “призванием” и “отечеством”.

Во-вторых, разрушенный дом в форме развалин — источник меланхолии бардов, направленной не на депрессию и отчаяние, а на спасение личности и общества, то есть сопротивление современности и прогрессу цивилизации.

Известная всем китайцам песня «Маленький посёлок Луган» (《鹿港小镇》) была создана Ло Даю на основе личного опыта молодого человека из посёлка Луган. В столице Тайваня Тайбэе он по-настоящему почувствовал разрыв между мечтой и реальностью. “Тайбэй — это не мой дом. / У дома нет неоновых огней. /

Только улица, рыбацкое село / И прихожане храма Мацзу”. Если “неоновые огни” символизируют пёструю городскую жизнь и современную цивилизацию, то “поселок Луган”, “храм Мацзу”, “лавка благовоний”, “набожные прихожане”, даже “добросердечная девушка с густой косой” символизируют деревню и традицию. Это и создает постоянное противоречие между городом и деревней.

Кроме того, в строках “Они разобрали красный кирпич и стены возвели, / Получили, что хотели, но потеряли, что имели” можно увидеть образ разрушенного прошлого, не всегда способного восстановиться в новом строении. Здесь вспоминается идея “аллегории” в эстетике “искупления” немецкого философа Вальтера Беньямина, который отметил, что в аллегории разрозненных образов таится надежда на спасение [3, с. 146–151] и подлинная истина. В этой песне разрушение старого дома ведет к противоположной мысли — к истине стремления к “благословию и сохранению на века” в целях сопротивления современности и призыва к прежним традициям посёлка.

Проанализированные образы в песнях Ло Даю позволяют точнее оценить образ дома у Окуджавы. Об этом говорится в «Надписи на камне» (1982), где рассказывается о реконструкции Старого Арбата в 1974–1986 гг. В поэзии тоже присутствуют разрозненные образы, показывающие разрушенные старые арбатские дворики:

Когда кирка, бульдозер и топор
 сподобятся к Арбату подобраться
 и правнуки забудут слово «двор» —
 согрей нас всех и собери, арбатство.

В этих строках передается грустное настроение Окуджавы, вызванное разрушением арбатского дома, ведь это не столько физические дома, сколько место душевной теплоты — “вместилище самых ценных воспоминаний и ушедшей юности, также своего рода потерянный детский рай” [4], и даже хранилище исторической памяти всей русской нации. “Когда его не станет — я умру, / пока он есть — я властен над судьбою”.

Разрушение старого арбатского дворика подобно останкам поселка Луган, внутри которых пробуждается спасение от меланхолии: “Не плачь, Мария, радуйся, живи, / по-прежнему встречай гостей у входа... / Арбатство, растворенное в крови, / неистребимо, как сама природа”. Это свойственное только мыслителю Окуджаве спасение. Переживая проблемы тогдашнего общества, бард не забывал призывать к свету, к оптимизму (“Не плачь”). В рамках его меланхолии есть и свет, и неистребимая решимость хранить верность «арбатству». Увидим и такую мысль: авторская песня, несмотря на переменчивое время, поможет сохранить привязанность к традиции. Ло Даю как бы вторит: “просто в нашу переменчивую эпоху мы не хотим, чтобы всё слишком быстро менялось и превращалось” [10].

Как итог, образ дома является символом ностальгии, хранилищем традиционной исторической памяти и сопротивлением современности. В результате сравнения образа дома в песнях двух бардов можно увидеть близкое настроение меланхолии, потерянности и даже отчаяния.

3. Образ женщины как средство выражения меланхолии

Анализируя стихи-песни Окуджавы и Ло Даю, легко заметить, что образ женщины в их произведениях нередко имеет печальные нотки. Ло Даю во многих стихах акцентирует слабость и трагедийность образа женщины перед силами времени и судьбы. К примеру, используя пентатонику, свойственную китайской мелодии, в трехминутной песне «Морские цветы» (《海上花》), написанной к одноимённому фильму 1986 г., бард почти эпически рассказывает о трагической жизни певицы Макао Мэй Лин (美玲), которая в молодости случайно встрети-лась с японским спортсменом Чжун цунь (中村), они сразу влюбились друг в друга, но из-за непредвиденных факторов быстро расстались [10]. Но образ Чжун цунь прекрасной фантастической мечтой продолжает жить в душе Мэй Лина:

Мечта стала былью.
Вмиг волна исчезла в бурлящей мирской суете,
Остался лишь водяной след,
Как пустое сожаление.
Желаю лишь, чтобы в иной жизни
Вчерашний силуэт сопровождал меня,
И были неразлучными мы на века.

Женщина вошла в мир, в мирскую суету и попыталась полюбить героя («другого»), но из-за непредсказуемой судьбы клятва “на века” обернулась неосуществимой мечтой, которая может осуществиться только в потустороннем мире (“в иной жизни”). Мэй Лин стала куртизанкой и была вовлечена в дело об убийстве. Ло Даю с грустью воспел обычную женщину, жизнь которой подобна цветам, плывущим по морю, пестра, но быстротечна и уязвима перед ударами судьбы.

В других песнях — «Мирская суета» (《滚滚红尘》), посвященная известной китайской писательнице Чжан Айлин (张爱玲), и «Бегущая за мечтой» (《追梦人》), посвященная тайваньской писательнице Сань Мао (三毛), Ло Даю рассказал о несчастливой жизни знаменитых писательниц и обратил внимание на буддийские смыслы: “думаю, из-за ошибок в жизни/ Или кармы прошлого/ Готова в этой жизни всем пожертвовать/ Ради мимолётного диалога двух миров” («Мирская суета» 《滚滚红尘》). “Два мира” — это Инь (потусторонний мир) (阴) и Ян (земной мир) (阳), которые являются основанием традиционной китайской философии. Ло Даю пришел к заключению, что превратности судьбы Чжан Ай Лин объясняются тем, что “переменами брэнного мира правит рука всевышнего” («Морские цветы» 《滚滚红尘》), что типологически сходно со “всевидящим оком” в русском контексте.

У Б. Окуджавы образ женщины в песнях часто возвышен в глазах героя-мужчины, который рассматривает возлюбленную как “Богиню”, как своё спасе-

ние: “и муравей создал себе богиню/ по образу и духу своему” («Московский муравей»), “Вы в глаза её взгляните, как в спасение своё” («Не бродяги, не пропойцы»). Можно отметить, что меланхолия Б. Окуджавы нашла особый способ выражения через образ “обогащенной женщины”. Несмотря на то, что Окуджава хотел “протестовать против пуританского ханжества”, он просто стремился найти “спасителя” от печали своей эпохи. Это близко к образу незнакомки в поэзии А. Блока.

Идея женской духовной субстанции осмысливается как путь к постижению верховных начал бытия, к единой вселенской гармонии [5]. Только женщина в песнях Б. Окуджавы подвергается трансформации и обладает более будничными чертами — обветренными руками и старенькими туфельками: “Безмолвный разговор они вели, / красивые и мудрые, как боги, / и грустные, как жители земли.” Влюбленные в такую женщину могут найти соединение потустороннего с земным миром, что приводит к спасению души, и это окончательная цель песен барда, порожденная культурным контекстом русского православия, чего нет в других культурах, в частности в китайской.

Таким образом, формулируем выводы. Во-первых, есть определенное сходство в политических контекстах, породивших феномен наших поэтов-бардов. Во-вторых, сходство Окуджавы и Ло Даю состоит в том, что у обоих образ дома символизирует привязанность к традиции и сопротивление современности. Разрушение дома является источником их меланхолии, одновременно и мотивацией спасения. В-третьих, разные способы выражения меланхолии через образ женщины ориентированы на особенности национальной культуры. Так, в китайской буддийской культуре рок и карма прошлого являются основой мышления и идеологии. Окуджава и Ло Даю оказались типологически схожими в стилях и в проявлении меланхолии, так как они обладают стремлением к свободному мышлению, гуманистическому поиску.

Такой наполненный гуманизмом межкультурный диалог позволяет авторской песне взаимно обогащаться и неповторимо реализовываться в двух разных странах.

Литература

1. Александрова М. А. Об элегии в лирике Булата Окуджавы // Новый филологический вестник. 2008. № 2. С. 109–121. Текст: непосредственный.
2. Бахтин М. М. Ответ на вопрос редакции «Нового мира» // Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6. Проблемы поэтики Достоевского. 1963. Работы 1960–1970-х гг. Москва: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. 800 с. Текст: непосредственный.
3. Беньямин В. Происхождение немецкой барочной драмы / пер. С. А. Ромашко. Москва: АГРАФ, 2002. 290 с. Текст: непосредственный.
4. Бутаева З. А. Арбат как центральный хронотоп в поэтической системе Б. Окуджавы // Теория и практика общественного развития. 2010. № 4. С. 302–305. Текст: электронный.
5. Дзуцева Н. В. «Вечная женственность» Вл. Соловьёва в эстетико-философском дискурсе Вяч. Иванова // Соловьёвские исследования. 2011. № 1. С. 93–99. Текст: непосредственный.
6. Лебедева К. Разговор с Булатом Окуджавой // Голос надежды. Новое о Булате. Москва: Изд. Булат, 2007. Текст: непосредственный.
7. Смирнов В. В. Пространство мыслей и чувств в песенном творчестве Булата

Сюзэцин Лю, И. С. Болдонова. О меланхолии в авторской песне Булата Окуджавы и Ло Даю: сравнительно-типологический анализ

Окуджавы. Филологические эскизы с философскими акцентами // Научно-культурологический журнал. 2008. № 9. С. 8. Текст: непосредственный.

8. Топоров В. Н. Пространство культуры и встречи в нем // Восток — Запад. Исследования. Переводы. Публикации. Москва: Наука, 1989. С. 13. Текст: непосредственный.

9. 张钊维著.文化丛书 谁在那边唱自己的歌[M].时报文化出版企业有限公司.1994. (Чжан Чжаовэй. Серия "Культура". Кто там поет свою песню. Москва: The Times Cultural Publishing Enterprise Ltd, 1994. 130 с.). Текст: непосредственный.

10. 轩琦.论罗大佑音乐创作中的人文关怀[D]. 导师：陆学凯.牡丹江师范学院,2016. (Сюань Ци. О гуманистической заботе в музыкальном творчестве Ло Дао [D] / научный руководитель Лу Сюэкай. Муданьцзянский педагогический институт, 2016. С. 21, 23). Текст: непосредственный.

11. 赤潮主编.流火 1979–2005 最有价值乐评[M]. 兰州：敦煌文艺出版社.2006. (Чи чао, ред. Поток огня: 1979–2005. Самые ценные музыкальные критики. Москва: Дуньхуан Вэньи, Ланьчжоу, 2006. 140 с.). Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 19.11.2021; одобрена после рецензирования 29.11.2021; принята к публикации 10.12.2021.

ON MELANCHOLY IN THE BARD SONGS
BY BULAT OKUDZHAVA AND LO TA-YU:
A COMPARATIVE AND TYPOLOGICAL ANALYSIS

Liu Xueqing
Research Assistant,
Nankai University (Tianjin, China)
94 Weijin Lu, Tianjin, China
lxq980609bxmy@163.com

Irina S. Boldonova
Dr. Sci. (Philos.), Visiting Prof.,
Nankai University (Tianjin, China)
94 Weijin Lu, Tianjin, China
irina_duncan@mail.ru

Abstract. The article compares the lyrical mood in the verses and songs by Bulat Okudzhava and Lo Ta-yu. Russian B. Okudzhava and Chinese Lo Ta-yu (罗大佑) are famous bards and path-breakers of a whole trend in the field of bard songs of the two countries. Both authors convey a sad and melancholic mood. Based on Mikhail Bakhtin's concept of "outsideness", we reveal the social reasons for the appearance of the author's songs by B. Okudzhava and Lo Ta-yu against the background of the bard boom in China and Russia. The article presents a comparative and typological analysis of images of home and a woman. Nostalgia in the songs by the bard poets is caused by worries about the destruction of a home, which is a source of both melancholy and motivation for salvation. We have considered various ways of expressing melancholy, the influence of religious philosophy and Buddhist culture on the songs and verses by B. Okudzhava and Lo Ta-yu. It has been revealed that there are typologically similar ways of expressing nostalgia in the works of both bards, which facilitate the intercultural dialogue.

Keywords: bard song, melancholy, the bard boom, nostalgia, outsidersness; woman's image, image of home; a comparative and typological analysis.

For citation

Liu Xueqing, Boldonova I. S. On Melancholy in the Author's Songs by Bulat Okudzhava and Lo Ta-Yu: A Comparative and Typological Analysis. *Bulletin of Buryat State University. Philology.* 2021; 4: 69–76 (In Russ.).

The article was submitted 19.11.2021; approved after reviewing 29.11.2021; accepted for publication 10.12.2021.